

ДОЛГ: РОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Е. И. Наумова^а, В. Г. Бондарев^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

^б Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (СЗФ РГУП), Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация

Аннотация: Статья представляет собой исследование в области становления буржуазной цивилизации через проблематизацию понятия долга. Общепринято считать (А. Смитт, Д. Рикардо), что коммерческие экономики возникают как результат реализации естественной склонности человека к обмену, который в определенный период обретает монетарное измерение. Статья предлагает альтернативный подход к вопросу происхождения капитализма, денег и буржуазной цивилизации. С опорой на теории Ф. Ницше, М. Мосса, Ж. Делеза и Ф. Гваттари получает развитие идея происхождения капиталистических отношений из долга, раскрытая в трудах американского антрополога Д. Гребера. Буржуазная цивилизация представлена как результат развития всемирного исторического процесса через призму трансформации долга. Становление буржуазной цивилизации связано с переходом от «человеческих экономик», когда долг мыслится в моральных категориях, к «денежным экономикам», когда долг получает числовой эквивалент. Описан процесс того, как в современной финансовой экономике трансформируется понимание долга от конечного к бесконечному, и показано влияние этого фактора на способ функционирования капитализма и организацию человеческой жизни. Через оптику долга развитие капитализма, а вместе с ним и становление буржуазной цивилизации в целом, осмысляется в терминах линейного (а не кризисного) развития. Долг — это устремленная в бесконечность линия или постоянно отодвигаемый предел/крах капитализма. Идея циклического (кризисного) развития капитализма дополняется идеей линейного (долгового) развития, что расширяет горизонт рассмотрения и оценки буржуазной цивилизации в рамках современного подхода.

Ключевые слова: долг, капитализм, буржуазная цивилизация, М. Мосс, Ф. Ницше, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Д. Гребер.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации», № 22-28-00779. Руководитель: Соколов А.М., 2022–2023.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; принята к публикации 16.06.2022.

- © **Наумова Екатерина Игоревна** — доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, naumovaii@inbox.ru
- © **Бондарев Виктор Геннадьевич** — кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, зам. директора по учебной

и воспитательной работе, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, bondarev@szfrgup.ru

DEBT: BIRTH OF THE BOURGEOIS CIVILIZATION

Е. И. Naumova^a, V. G. Bondarev^b

^a Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg 199034, Russian Federation

^b North-West Branch of the Russian State University of Justice (SZF RGUP), St. Petersburg 197046, Russian Federation

Abstract: The article is about the problem of the bourgeois civilization birth through the problematization of the concept of debt. It is generally agreed (A. Smith, D. Ricardo) that the commerce economics arise as a result of the natural people's propensity to the exchange which become monetary over time. This article represents alternative approach to the question of the capitalism, money and bourgeois civilization origin. The idea about the birth of capitalist relationships from the debt builds and opens in the works of American anthropologist D. Graeber based on the F. Nietzsche, M. Mauss, Deleuze G., Guattari F. theories. Bourgeois civilization represents as the result of the global historical development through the prism of debt transformation. Development of the bourgeois civilization connected with the transformation from the «human economics», when debt is conceived in moral terms, to «monetary economics» when debt gets numeric terms. It is described the process of the transformation of debt understanding from finite to infinite and it is presented the influence of this factor on the way of capitalism function and human life organization. The emergence of capitalism and bourgeois civilization is conceived in terms of linear development (not crisis) through the debt optics. Debt is the line striving in infinite or constantly delayed limit/collapse of capitalism. The idea of cyclical (crisis) development of capitalism is complemented by the idea of its linear (debt) development that push the envelope of consideration and assessment of bourgeois civilization in the frame of contemporary approach. .

Keywords: debt, capitalism, bourgeois civilization, M. Mauss, F. Nietzsche, G. Deleuze, F. Guattari, D. Graeber.

Acknowledgments: Article was prepared with the support of Russian Scientific Foundation (FSF) grant «Sovereignty and sovereign: logic and antinomies of global civilization», № 22-28-00779. Head: Sokolov A.M., 2022–2023.

Received May 22, 2022; in final form June 16, 2022.

- © **Naumova Ekaterina I.** — Dr Sci. (Philosophy), Senior lecturer of the department of social philosophy and philosophy of history, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, naumovall@inbox.ru
 - © **Bondarev Victor G.** — Cand. Sci. (Political Sciences), associate professor, Head Department of humanities and socio-economic disciplines, deputy director for academic and educational work, North-West Branch of the Russian State University of Justice, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, bondarev@szfrgup.ru
-

Положение Адама Смита о естественной склонности человека к обмену ради взаимной выгоды [1], которая со временем обретает монетарное измерение, является достаточно устоявшимся и общепринятым объяснением в вопросе о происхождении денег и истоках капитализма. При этом очевидно, что подобный подход упускает из поля зрения проблематику долга, которая может послужить формированию нового взгляда на природу происхождения капитализма и буржуазной цивилизации. Наша концепция заключается в том, что буржуазная цивилизация является результатом развития всемирной истории, рассмотренной через призму трансформации долга, от «человеческих экономик», когда долг мыслится в моральных категориях, к «денежным экономикам», когда долг получает числовой эквивалент и со временем становится бесконечным. Осмысление капитализма как экономики долга приводит к тому, что привычная концепция кризисного развития капитализма также претерпевает изменение. Через оптику долга развитие капитализма, а вместе с ним и становление буржуазной цивилизации в целом, начинает мыслиться линейно как устремленная в бесконечность линия, или как постоянно отодвигаемый собственный предел/крах. Так идея цикличности развития капитализма через ситуацию кризиса дополняется идеей долга как линейного способа развития капитализма, что расширяет горизонт рассмотрения и оценки буржуазной цивилизации в рамках современного подхода.

Концепция происхождения буржуазной цивилизации, отталкивающаяся из идеи долга, представлена в работе американского антрополога Дэвида Гребера [2]. С опорой на труды Ф. Ницше [3] и М. Мосса [4, с. 134–286], он развивает философские предпосылки для формирования альтернативной концепции развития капитализма, которая отличается от либерального и неолиберального подходов. В своем исследовании Гребер критикует теорию происхождения денег Адама Смита [2, с. 25–46], которая базируется на том положении, что деньги возникли как результат бартерного обмена. Антрополог указывает на то, что деньги существовали в первобытных обществах, наряду с бартером, не будучи к нему привязаны. Деньги (примитивные деньги, например, каури — раковина, заменявшая деньги в Азии и Африке, крупный рогатый скот и т. д.) существовали изначально как социальная валюта в режиме «человеческих экономик» не для приобретения товара или услуги, а для организации человеческих отношений (рождение, брак, похороны, кровная месть). Как отмечает О. В. Хархордин со ссылкой на Гребера: «Антропологи XX века исчерпывающе показали, что “первобытные общества”, как они их называли, пользовались бартером достаточно редко, зато деньги у них использовались повсеместно и маркировали долг, который невозможно отдать — как

в примерах платы за невесту или за убитого соплеменника» [5, с. 31]. Ключевым моментом здесь заключается в том, что долг действительно мыслился как невозполнимый, так как невозможно измерить или сосчитать человеческую жизнь, тем более в случае первых примитивных денег жизнь не покупалась, а деньги скорее служил моральным возмещением ущерба. В связи с данными фактами Гребер задается следующим вопросом: как мы перешли от сакрального измерения ценности человеческой жизни и невозможности ее обмена, к обществу, где человеческая жизнь измеряется, и более того, может быть продана и куплена?

Ответом на поставленный вопрос является следующее принципиальное утверждение автора представленного исследования: деньги — это причина рынка, а не наоборот. Рынок и государство, как пишет антрополог, зародились вместе и исторически всегда были связаны между собой, этот процесс взаимосвязи рынка и государства и положил начало «коммерческим экономикам». Он усиливает свою мысль, полагая, что история «коммерческих экономик» — это история денег как насилия. Пренебрегая идеей возникновения рынка из естественного и свободного обмена, Гребер утверждает, что появление рынков и монетарных отношений в целом в первую очередь связано с политикой государства по налогообложению для обеспечения армии и ведения войны. Экономические системы, считает автор, созданы как средства ведения войны и реализации насилия. При этом исследователь отмечает, что в средневековых исламских странах функционировали свободные рынки, которые существовали без вмешательства государства и основывались на таких моральных категориях как честь, достоинство и доверие. По мнению автора, это свидетельствует о том, что в определенных культурах, вне логики принуждения и государственного вмешательства, рыночные отношения были втянуты в сеть социальных отношений, так называемых «моральных экономик», которые регулировались обычаями и репутацией, следовательно, основывались на сотрудничестве и солидарности, а не на конкуренции.

Реконструкцию истории становления буржуазной цивилизации через идею трансформации долга можно обнаружить в концепции постмодернистских философов Делеза и Гваттари. В работе «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» представлена реконструкция формирования буржуазного/капиталистического общества через изменение логики долговых отношений [6, с. 119–132]. Согласно философам, при переходе к капиталистической стадии развития общества произошла трансформация статуса долга: из индикатора моральности долг превращается в исчислимую сумму, которая

оказывается показателем справедливости коммерческой сделки как прагматического факта. В том числе долг монетизируется в результате введения налогообложения населения со стороны государства, а это значит, что долг, выплачиваемый гражданами в виде налогов, трактуется как легитимное насилие, осуществляемое государством над обществом. Делез и Гваттари пишут, что при смене производственных формаций через преобразование понятия долга происходит формирование зачатков капитализма, когда от социального долга как способа выстраивания человеческих отношений в разрезе морали, долг становится калькулируемым и бесконечным: «<...> деньги, денежный оборот, — это способ сделать долг бесконечным» [7, с. 312]. Такая трансформация понятия долга ведет к тому, что «долг становится долгом за существование, долгом за существование самих субъектов» [7, с. 312]. Так установление логики исчисления человеческой жизни в денежном эквиваленте является результатом сборки деспотической машины во главе с государством и новыми формами насилия в виде системы налогообложения, что знаменует собой переход от «человеческих экономик» к «денежным экономикам». В капиталистической формации создается всеобщий эквивалент производства в виде денег или капитала, представленного в абстрактных количествах. Делез и Гваттари предлагают формулу происхождения капитала: « $x+dx$ », где x — это капитал, а d — рабочая сила. Эта формула репрезентирует мысль о том, что в капиталистическом обществе рабочая сила подчиняется капиталу. Данная формула символизирует собой превращение прибавочной стоимости кода в прибавочную стоимость потока, характеризующей машину капитала. Идея состоит в том, что при переходе к промышленной капиталистической формации утрачивается логика господства кода и постоянных территориальностей, что знаменует собой зарождение машины нового типа, а именно, машины деспотизма Post-Moderna (после-смерти, посмертный), где новым деспотом оказывается капитал-вампир, высасывающий живую рабочую силу из тела социуса. Как отмечают Делез и Гваттари, промышленный капитал является тем сверхновым явлением, который и позволяет совершиться сборке капиталистической машины. Деньги в капиталистической формации носят дуальный характер, они аккумулируются и со стороны предприятия, кредитора, и со стороны работника, потребителя. Согласно Делезу и Гваттари, капитализм — это чистая интенсивность, он создает машины, производит новые срезы потоков, тем самым постоянно революционизирует технические средства производства, что ведет к его самоусовершенствованию.

Помимо прочего буржуазная цивилизация создает новый тип аксиоматики — она интегративна, нестабильна, креативна. Капитализм формирует свои методы запоминания, восприятия, получения знаний, письма и контроля — и контроля — это аксиоматика без прошлого, которая всегда готова интегрировать в себя новые смыслы будущего. Капиталистическая аксиоматика является нефиксированной, предполагая множество риторических ходов, при этом носит чисто декларативный характер. Аксиоматика капитализма лишена памяти и веры, где языку отведена исключительно инструментальная функция. Аксиоматика капитализма преобразовывает антропологический и культурный статус человека: «Человек реально стал “частным”, поскольку сам выводится из абстрактных количеств и становится конкретным в становлении-конкретным этих самых количеств. Именно последние отмечаются, а не сами люди — твой капитал или твоя рабочая сила, остальное не имеет значения» [7, с. 396]. Из аксиоматики капитализма получает стимул для дальнейшего развития государство, которое окончательно разрушает логику кода и способствует установлению поля имманентности капитала. Государство обслуживает цели капитала через планирование, монетаризацию, бухгалтеризацию, извлечение и поглощение прибавочной стоимости. При этом капитализм создает новые аксиомы для рабочего класса, профсоюзов, для оправдания господства капиталистического класса. Делез и Гваттари указывают на то, что в капиталистической сборке существует один класс — это буржуазия, которая стремится к единственной цели в виде абстрактного богатства и его реализации в формах отличных от потребления. Таким образом мы видим, что смена формаций и формирование нового типа буржуазной цивилизации может быть объяснена через концепт трансформации способа функционирования долга: от его моральной составляющей к монетарной, и как следствие этого — антропологическая перемена в статусе бытия самого человека: человек становится исчислимым, его можно продать и купить, разорвав его связь с родной социальной тканью и выведя на уровень анонимности капиталистических отношений.

Находясь в условиях современного этапа развития капитализма, антрополог Дэвид Гребер отмечает, что за завесой доминирующей капиталистической системы отношений скрыты три базовые структуры, которые фундируют нашу каждодневную жизнь — это коммунизм, обмен и иерархия. В основе коммунизма лежит советским людям известный постулат: «от каждого по способностям, каждому — по потребностям». Это и есть, как полагает автор, базовый коммунизм, который заложен в нашу социальную реальность

на уровне отношений в семье, с друзьями и в неформальных сообществах. Вторая структура — это обмен. Автор отмечает, что существует две системы обмена по типу: «спасибо, я у тебя в долгу!» и «спасибо, я должен вам 1 цент». Первая система обмена — это и есть «человеческая/моральная экономика», основанная на логике дара/потлача, которая задает измерение долга как основы социальных связей и солидарности. В то время как второй тип обмена — это коммерческий обмен, который не создает систему обязательств, потому что это форма обмена, которая включает/создает посторонних или врагов, тогда как моральный обмен происходит среди «своих». И третья структура — иерархия. Иерархическая система отношений, как отмечает автор, основывается не столько на базовом государственном насилии, сколько на неформальном — статусном превосходстве одних членов сообщества над другими. Ссылаясь на М. Мосса, Гребер отмечает, что часто некоммерческий обмен в основе своей имеет статусную конкуренцию. И именно коммунизм выступает как альтернатива моральной экономике, переводя конкуренцию в различные формы солидарности. Однако суть иерархии, которая существует в системе дара и потлача отличается тем, что носит бескорыстный характер, она реализуется ради признания, поддержания статуса в общине. Правда вполне вероятно, что бескорыстность экономики потлача носит лишь видимый характер. После подношения дара необходимо выдержать паузу с ответным даром (ритуал бескорыстности) и более того ответный дар, как известно, должен превышать по объему первоначальный дар. И «пауза» была необходима просто для того, чтобы собрать необходимые ресурсы. Самое интересное, что именно через анализ дарообменного механизма сам М. Мосс приходит к выводу о том, что экономика потлача на самом деле довольна близка к капиталистической. Ведь в случае, если дарообмен совершается вертикально, то есть между индивидами разного статуса, то в руках одного члена общины неизбежно сосредотачивается большее количество благ, то есть воспроизводится известная гегелевско-кожевская логика Господина, которая лежит в основе капиталистического дискурса. Более того, коллектив настолько оказывается связанным дарообменными обязательствами, что уже ресурсов общины в реальности оказывается недостаточно, чтобы отдать долг. В этом отношении экономика дара — это своего рода кредитная, капиталистическая система, но подкрепленная логикой чести. В контексте данных рассуждений Гребер задается вопросом: каким образом логика своекорыстного обмена стала доминирующей системой отношений, и почему мы не видим другого пути экономической организации общества кроме капитализма?

В попытках подобраться к решению проблемы альтернативы капитализму Гребер обращается к тезису Маркса о том, что в условиях капитализма мы сталкиваемся с феноменом товарного фетишизма, когда создаются материальные отношения между людьми и социальные отношения между вещами [8, с. 41–91]. Капитализм производит онтологическую инверсию в общественных отношениях, так как капитал субъективируется через подчинение себе человеческих целей и совершает самоэкспансию. Труд как вампир — мертвый труд — охотится за живыми людьми. По мнению Гребера, именно установление либертарного типа коммунизма как формы «человеческой экономики» вместо «коммерческих экономик» способно создать подлинно человеческие отношения, основанные на максиме: от каждого — по потребностям, каждому — по способностям. Лишенная государственного регулирования «человеческая экономика» в основе своей содержит понятия чести, доверия, взаимопомощи и сотрудничества, они выступают как альтернатива свойственным капитализму принуждению и конкуренции. Предлагая либертарный коммунизм в противовес капитализму, Гребер указывает на то, что, завышать/выдвигать на первый план коммерческую сторону отношений, забывая о человеческой (религия, этика, обычаи, привычки), это значит поддерживать и усиливать устойчивость и долговечность капитализма. Он, как антрополог, делает акцент на том, что без подхода к капитализму с антропологической перспективы мы так и будем находиться в логике принуждения государственного управления рыночной системы и, что более важно, продолжать считать капитализм *естественной системой отношений*.

На наш взгляд, исследование Гребера — это есть ни что иное как антропологическое доказательство неестественной природы капитализма, наглядно доказавшее этот факт через раскрытие идеи трансформации долга и долговых отношений в коммерческих экономиках. Концепция мыслителя показывает, что в современном мире поменялись правила функционирования капитализма: он утратил свою спасительную цикличность. Капиталистическая экономика цикличности ломается в силу появления идеи долга, который в условиях финансового капитализма обретает характеристики бесконечного. В своей работе Гребер делает прогноз о том, что капитализм через поколение (или около того) перестанет существовать. Автор отмечает, что идея долга тогда разумна, когда долг является конечным. Пока мы мыслим долг в логике бесконечности, мы воспроизводим веру в бесконечную природу капитализма и тем самым, как полагает автор, позволяем капитализму длиться/продолжаться.

Можно заключить, что переломный момент в трансформации способа функционирования капитализма, который и становится началом трансформации долга от конечного к бесконечному, датируется 1974 годом, когда американский президент Никсон принимает решение об освобождении доллара от золотого стандарта [9, с. 87], — этот факт является ключевым для изменения экономической системы. Разрушение связи валюты с ее материальным эквивалентом послужило причиной того, что финансовая сфера экономики получила достаточно мощный стимул к развитию, тем самым отодвинув на второй план роль промышленного/производственного сектора. Именно финансовый капитализм создал условия для формирования и постепенного наращивания бесконечного внешнего/внутреннего денежного долга как основы нового типа общественных отношений. Более того, свойственная сегодняшней ситуации неопределенность будущего связана с идеей бесконечности долга и той новой реальностью, которую ситуация кризиса капитализма долга [2, с. 528] создает. Введение и популяризация повсеместно системы кредитования, займов и т. п. постепенно внедряет идею в сознание людей, что быть должником — это нормально, даже в какой-то степени «желанно», так как кредиты и займы открывают возможность для тебя что-то делать сейчас, а расплатиться потом. В этом отношении капитализм спекулирует на отчужденной сегодня от человека возможности получит толчок для развития в настоящем, но ценою связывания будущей жизни человека с будущим капитализма. Так финансовый капитализм порождает новый антропологический тип человека — должника как определенный тип субъективации, развитие и становление которого изначально укоренено в капиталистической системе и ею регулируется [6, с. 207–229]. Долг оказывается не только новой оптикой осмысления капитализма как системы и буржуазной цивилизации в целом, но и ключевым понятием для анализа актуальных типов становления субъективности. «Быть должником» оказывается еще и экзистенциалом бытия человека, к которому настойчиво приучает современная экономическая жизнь через различные варианты медиакультуры.

Список литературы / References

- [1] Смитт А. Исследования о природе и богатстве народов. М.: Книга на все времена, 2010. 160 с.
 Smith A. *The Wealth of Nations*, Moscow, 2010. 160 p. (In Russ.)
- [2] Гребер Д. Долг: Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.

- Graeber D. *Debt: The First 5000 Years*, Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 528 p. (In Russ.)
- [3] Ницше Ф. Генеалогия морали. М.: Азбука. 2014. 224 с.
Nietzsche F. *On the Genealogy of Morals*, Moscow, Azbuka, 2014. 224 p. (In Russ.)
- [4] Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ. 2011. 416 с.
Mauss M. *Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology*, Moscow, KDU, 2011. 416 p. (In Russ.)
- [5] Хархордин О.В. Куда идет теория практик: поворот к материальности // Социологические исследования. 2012, № 11: 20–34.
Kharkhordin O.V. “What is the way of the theory of practices: The Pragmatic Turn”, *Sociological research*, 2012, no. 11: 20–34. (In Russ.)
- [6] Наумова Е.И. Капитализм и культура. Философский взгляд. СПб: Фонд Развития конфликтологии, 2015. 232 с.
Naumova E.I. *Capitalism and culture. Philosophical view*, St. Petersburg, 2015. 232 p. (In Russ.)
- [7] Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Yekaterinburg, U-Factoria, 2007. 672 p. (In Russ.)
- [8] Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 797 с.
Marx K. *Capital: A critique of Political Economy*, Vol. 1, Moscow, 1952. 797 p. (In Russ.)
- [9] Berardi F. *The Uprising. On poetry and capitalism*, Los Angeles, Semiotext (e), 2012. 176 p.